

Клайв Стейплз Льюис Похороны великого мифа

Человечество столько раз повторяло одни и те же ошибки и столько раз раскаивалось в них, что совершать их в наши дни еще раз — непростительно. Одна из таких ошибок — то непростительное пренебрежение, которое каждая эпоха выказывает по отношению к предыдущей: взять хотя бы презрение гуманистов (даже хороших гуманистов, вроде сэра Томаса Мора) к средневековой философии или романтиков (даже хороших романтиков, вроде Китса) к поэзии восемнадцатого века. И всякий раз та же реакция — последующее наказание и раскаяние. Так и подмывает попробовать: может нам все-таки удастся не тратить время на бесплодное негодование? Почему бы не воздать дань почтения нашим предшественникам и не отпустить их с миром? Во всяком случае, я собираюсь предпринять именно такую попытку. На этих страницах я намерен устроить панихиду по Великому Мифу девятнадцатого — начала двадцатого столетия и произнести хвалебную надгробную речь.

Под Великим Мифом я подразумеваю ту картину реальности, которая возникла в вышеуказанный период — не логически, но как образ — в результате самых замечательных и, так сказать, самых расхожих теорий истинных ученых. Я слышал, что этот Миф называют “уэлсианством”. Название неплохое, поскольку оно воздает должное великому фантасту, внесшему свой вклад в сотворение Мифа. Неплохое, но неполное. Оно предполагает, как мы увидим, ошибку в определении момента, в который Миф завладел умами; и, кроме того, оно предполагает, что Миф затронул только “средние умы”. На самом же деле, “Испытанию красоты” Бриджеса он обязан не меньше, чем работам Уэллса. Он покорила мозг таких разных людей, как профессор Александер и Уолт Дисней. Он читается между строк чуть ли не в каждой современной работе, связанной с политикой, социологией, этикой.

Я называю его Мифом, поскольку, как я уже сказал, это не логическое, но образное порождение того, что носит туманное название “современная наука”. Строго говоря, я должен признаться, что никакой “современной науки” не существует. Есть лишь отдельные науки, которые сейчас стремительно изменяются и зачастую не согласуются одна с другой. Миф же собран из разных научных теорий, “дополненных и исправленных” в соответствии с эмоциональными запросами. Это — плод народного воображения, подстегиваемого природной страстью к ярким впечатлениям. Потому-то он так вольно обращается с фактами, отбирая, замалчивая, вычеркивая и добавляя, как заблагорассудится.

Главная идея Мифа — то, что верящие в него называют “Эволюцией” или “Теорией развития”, “Теорией происхождения”, так же, как главная идея мифа об Адонисе — это Смерть и Возрождение. Я не хочу сказать, что эволюционная доктрина, с которой имеют дело биологи-практики — тоже миф. Это — гипотеза; может быть, менее удовлетворительная, чем надеялись ученые пятьдесят лет назад; но это еще не причина называть ее мифом. Это настоящая научная гипотеза. Но мы должны четко различать теорию эволюции как биологическую теорему и популярный эволюционизм, каковой и является Мифом. Прежде чем приступить к его описанию и (в чем и состоит моя главная задача) произнести над ним надгробную речь, я хотел бы прояснить его мифологическую сущность.

Во-первых, в нашем распоряжении — хронологические свидетельства. Если бы популярный эволюционизм был не Мифом, а интеллектуально обоснованным результатом общественного осознания научной теоремы (чем он, собственно, хочет казаться), он возник бы после того, как теорема приобрела широкую известность. По идее, сначала гипотезу знают совсем немногие, следом ее подхватывают все ученые, затем это знание распространяется среди людей общего образования, потом начинает оказывать влияние на поэзию и изящные искусства и, наконец, внедряется в народное сознание. Здесь же мы обнаруживаем нечто совершенно иное. Самые ясные и самые изящные поэтические отражения Мифа появились прежде, чем было опубликовано “Происхождение видов” (1859) и задолго до того, как теория заявила о своей научной непогрешимости. Конечно же, “микробы” теории витали в научных кругах и до 1859 года. Но если поэты-мифотворцы

подхватили этот вирус, значит, он появился вовремя, значит, они были предрасположены к инфекции. Воображение созрело едва ли не раньше, чем заговорили ученые, и уж наверняка до того, как они заговорили во весь голос.

Самое изящное выражение Мифа в английской литературе мы находим не у Бриджеса, не у Шоу, не у Уэллса, даже не у Олафа Стеэплдона. Вот оно:

Как Небо и Земля светлей и краше,
Чем Ночь и Хаос, что царили встарь,
Как мы Земли и Неба превосходней
И соразмерностью прекрасных форм,
И волей, и поступками, и дружбой,
И жизнью, что в нас выражены чище, —
Так нас теснит иное совершенство,
Оно сильнее своею красотой
И нас должно затмить, как мы когда-то
Затмили славой Ночь.

Так говорит Океан в “Типерионе” Китса, написанном почти за сорок лет до “Происхождения видов”. На континенте же появляется “Кольцо Нибелунгов”. Желая не только похоронить, но и воспеть уходящий век, я ни в коем случае не намерен присоединяться к хору голосов, хулящих Вагнера. Может быть, он и был, насколько мне известно, дурным человеком. Может быть (во что я никогда не поверю), он и был дурным музыкантом. Но как поэту-мифотворцу ему нет равных. Трагедия Мифа об Эволюции нигде не была выражена величественней, чем в его Вотане: пьянящие сцены экзальтации никогда не были столь неотразимы, как в “Зигфриде”. Сам он очень хорошо представлял, о чем пишет, и это очевидно из его письма Августу Роккелю в 1854 году. “Развитие драмы в целом указывает на необходимость осознания и принятия перемен, разнообразия, множественности и вечного обновления Реального. Вотан поднимается на трагическую вершину желания пасть. Это урок, который все мы должны вынести из истории Человека — желать необходимого и стремиться его разрушить.”

Если бы книга Шоу “Назад, к Мафусаилу” действительно была, как он предполагал, трудом пророка или пионера, вводящего нас в царство нового Мифа, невозможно было бы объяснить ее подчеркнуто комический тон и общую низкую эмоциональную температуру. Она замечательно остроумна; но не так рождаются новые эпохи. Легкость, с которой он играет Мифом, показывает, что Миф, уже полностью переваренный, одряхлел. Шоу — Лукиан или Снорри этой мифологии; чтобы найти ее Эсхила или ее Старшую Эдду, мы должны вернуться к Китсу и Вагнеру.

Таково первое доказательство того, что популярная Эволюция — Миф. В его сотворении Воображение бежит впереди научных свидетельств. “Пророческая душа большого мира” уже была беременна Мифом: если бы наука не спешила навстречу воображению, она никогда не была бы так популярна. Но, вероятно, каждый век в некотором смысле имеет ту науку, какую заслуживает.

На втором месте — свидетельства внутренние. Популярный Эволюционизм или Учение о Развитии отличается по сути от Теории Эволюции настоящих биологов. Для биолога Эволюция — это гипотеза. Она объясняет больше фактов, чем любая другая из тех, что сейчас имеются в наличии, и, таким образом, будет приниматься, если (или пока) не появится другая гипотеза, объясняющая больше фактов с меньшей степенью допущения. По крайней мере, мне кажется, именно так ее понимает большинство биологов. Правда, профессор Д.М.С. Уотсон (D.M.S. Watson) не заходит так далеко. По его словам, Эволюция “принята зоологами не потому, что кто-то наблюдал, как она происходит, или... что ее истинность может быть доказана логически, но потому, что ее единственная альтернатива, Творение, явно неправдоподобна.” (Цит. по: “Девятнадцатый век” (апрель 1943), “Наука и Би-Би-Си”).

Это должно означать, что единственное основание для веры в нее имеет природу не эмпирическую, но метафизическую. Это — догма метафизика-любителя, полагающего Творение неправдоподобным. Но, думаю, до этого все-таки дело не дошло. Большинство биологов верит в Эволюцию с большей долей здравого смысла, чем профессор Уотсон. И все-таки это — гипотеза. Однако в Мифе нет места гипотезам — только основополагающие факты; хотя, если быть точным, на уровне мифов такие различия вообще не существуют. Далее речь пойдет о более существенных расхождениях.

В науке Эволюция — теория изменений, в Мифе — факт улучшений. Такой крупный ученый, как профессор Дж. Б. С. Холдейн (J. B. S. Haldane) горячо доказывает, что в популярной Эволюции совершенно неоправданно подчеркиваются изменения, делающие живые существа (по человеческим стандартам) “лучше” или интересней. Он добавляет: “Таким образом, мы настроены воспринимать прогресс как эволюционное правило. На самом же деле, это — исключение, и на каждый его случай приходится десять случаев дегенерации.”¹ (1 “Дарвинизм сегодня”, “Возможные миры”, с.28). Но Миф попросту отбрасывает эти десять случаев дегенерации. В расхожем сознании при слове “Эволюция” возникает картинка движения “вперед и вверх”, и ни в каком ином направлении. И это вполне можно было предсказать. Еще до того, как заговорила наука, жаждавшее Мифа воображение уже знало, какая “Эволюция” ему нужна. А нужна ему была Эволюция Китса и Вагнера: боги, ниспровергающие Титанов; молодой, радостный, беззаботный, любвеобильный Зигфрид, приходящий на смену изнуренному заботами, тревогами и обязанностями Вотану. Если наука может предложить какие-нибудь аргументы в поддержку такой Эволюции, их с радостью примут. Если же она предложит аргументы против, их попросту не заметят.

Опять-таки, для ученого Эволюция — чисто биологическая теорема, которая касается органической жизни на нашей планете и пытается объяснить некоторые изменения в этой сфере. Она не выдвигает ни космогонических, ни метафизических, ни эсхатологических положений. Исходя из того, что мы обладаем разумом, которому можем доверять, исходя из того, что органическая жизнь существует, теория пытается объяснить, к примеру, как случилось, что вид, который когда-то имел крылья, утратил их. Она объясняет это негативным воздействием окружающей среды, выражающимся в сериях малых отклонений. Сама по себе она не объясняет происхождение органической жизни или этих отклонений, и не делает предметом обсуждения происхождение и ценность разума. Она может рассказать нам, как развивался мозг, посредством которого действует разум, но это — совсем другое дело. Еще меньше она претендует на объяснение того, как возникла Вселенная, что она из себя представляет и куда движется. Но Миф далек от подобной скромности. Превратив для начала теорию изменений в теорию улучшений, он затем сделал из нее космическую теорию. Не только наземные организмы, но и все движется “вперед и вверх”. Разум “развился” из инстинкта, добродетель — из комплексов, поэзия — из страстных воплей и хрипов, цивилизация — из варварства, органическое — из неорганического, Солнечная система — из звездного бульона или дорожной пробки. И, напротив, разум, добродетель, искусство и цивилизация, так, как мы их представляем — всего лишь наброски, или зачатки, гораздо более прекрасных вещей — может быть, даже самого Божества. Для Мифа “Эволюция” (как ее понимает Миф) — это формула всего бытия. Существовать — означает двигаться от состояния “почти нуля” к состоянию “почти бесконечности”. Для тех, кто взращен этим Мифом, кажется совершенно нормальным, естественным и явным то, что хаос обязан обернуться порядком, смерть — жизнью, невежество — знанием. И здесь мы получаем Миф в самом расцвете. Это — одна из самых волнующих и трогательных драм человечества, какие только можно представить.

Этой драме (вспомним Рейнгольда) предшествует самая ужасная из прелюдий: бесконечная пустота и материя, бесконечно и бесцельно движущаяся неизвестно куда и к чему. Затем, по ничтожнейшей из случайностей — один случай из миллионов миллионов — в некой точке пространства и времени возникает брожение, которое мы называем органической жизнью. Поначалу все вроде бы складывается против новорожденного героя

нашей драмы; точно так, как в сказках вечно не везет седьмому сыну или несчастной падчерице. Но, так или иначе, жизнь побеждает. Претерпевая неисчислимые страдания (Беды Фольсунгов — ничто по сравнению с ними), преодолевая немыслимые препятствия, она развивается, растет, усложняется — от амебы к рептилии и затем — к млекопитающему. Жизнь (и это первый кульминационный момент) “расцветает пышным цветом”. Это — век чудовищ: драконы рыщут по земле, пожирают друг друга и погибают. Затем повторяется неизбежный сюжет о Младшем Сыне, или Гадком Утенке. Точно так же, как крохотная, слабая искорка жизни зародилась среди гораздо более могучих зверей, на свет появляется маленькое, голенькое, дрожащее, ежащееся, горбящееся двуногое ничтожество — порождение еще одной случайности на миллионы миллионов. Его имя в этом Мифе — Человек; были у него и другие имена — Беовульф, которого люди поначалу считали презренным трусом и мерзавцем; или подросток Давид, выходящий с пращой против закованного в кольчугу Голиафа; или Джек Победитель Великанов собственной персоной, или даже Мальчик-с-Пальчик. Он расцветает. Он начинает убивать великанов. Он становится Пещерным Человеком, с кремнем и дубинкой, который что-то бормочет и рычит над костями своих врагов; почти животное, которое, тем не менее, как-то исхитряется создать искусство, гончарное дело, языки, оружие, кулинарию и почти все на свете (еще в одной истории его зовут Робинзоном Крузо); он таскает за волосы свою визжащую подругу (зачем — точно не знаю) и в буйстве ревности разрывает на части своих детей, пока они не вырастут и не разорвут его самого; и — трепещет перед ужасными богами, которых сам создал силой собственного воображения.

Но все это — только цветочки. В следующем акте он превращается в настоящего Человека. Он уже подчинил себе Природу и создал науку, которая рассеяла миражи и предрассудки его детства. Он становится хозяином собственной судьбы. Быстренько пролистнув этот исторический период (в котором движение вперед и вверх местами становится почти неразличимо, но это ничто в сравнении с нашей грандиозной шкалой времени), мы следуем за нашим героем дальше, в будущее. Поглядим же на него в последнем акте, хотя и не в последней сцене, этой великой мистерии. Всей планетой (по некоторым версиям — всей галактикой) правит теперь раса полубогов. Евгеника сделала все возможное, чтобы на свет рождались только полубоги; психоанализ — чтобы ни один из них не потерял и не запятнал свою божественность; экономика — чтобы они вмиг получали все, в чем только могут нуждаться полубоги. Человек взошел на трон. Человек стал Богом. Все вокруг залито ослепительным сиянием славы. Но последний росчерк пера гения-мифотворца еще впереди. Ведь так могут заканчиваться лишь самые примитивные версии Мифа. Ставить точку на этом месте — слегка напыщенно и даже слегка вульгарно. Если мы сейчас ее поставим, история лишится всего своего величия. Следовательно, в лучших версиях Мифа последняя сцена ставит все с ног на голову. Артур погиб; Зигфрид погиб; Роланд погиб в Ронсевале. Над богами незаметно сгустились сумерки. А ведь все это время мы не вспоминали Мордред, Хагена, Ганилона. Все это время Природа, давний враг, который лишь притворялся поверженным, тихо, незаметно и беспрестанно отбивался от рук, разъедавая и подтачивая человеческую власть. Солнце погаснет — все солнца погаснут — и Вселенная остановит свой бег. Жизнь (все формы жизни) будет изгнана с каждого кубического дюйма бесконечного пространства без всякой надежды на возвращение. Все кончится, все обратится в ничто. “Тьма покрывает все.” По законам елизаветинской трагедии наш герой низвергнется с вершины славы, на которую так долго и мучительно взбирался; мы отвержены, “и в лености ума угасла страсть”. На самом деле, это гораздо лучше елизаветинской трагедии: финал здесь — поистине финал. Он приводит нас не к концу истории, но к концу всех возможных историй: *enden sah ich die welt*.

Я вырос с верой в этот Миф, я чувствовал — и до сих пор чувствую — его почти совершенное величие. Кто посмел сказать, что наш век лишен воображения? Ни греки, ни скандинавы не сочинили лучшей истории. Даже и в эти дни, пребывая в особом расположении духа, я порою в глубине души хочу, чтобы она оказалась не Мифом, но

правдой. Но возможно ли это?

Причина того, что это невозможно, кроется даже не столько в недостатке доказательств той или иной сцены этой драмы, и не в ее роковых внутренних противоречиях. Миф не может существовать, не подпитываясь данными реальных наук. А реальные науки не могут существовать без рациональных умозаключений, поскольку каждая наука объявляет себя не чем иным, как серией умозаключений из наблюдаемых фактов. Только с помощью умозаключений мы можем представить себе наши туманности и наши протоплазмы, наших динозавров, наши человекообразные существа и наших пещерных людей. Если мы для начала не поверим, что реальность в самом отдаленном пространстве и в самом отдаленном времени неумолимо подчиняется законам логики, у нас попросту не будет основания верить в какую бы то ни было астрономию, биологию, палеонтологию или археологию. Чтобы усвоить положения реальной науки — которые потом поглощаются Мифом, — мы должны воспринимать разум как абсолют. Но при этом Миф требует, чтобы я поверил, будто разум — это попросту непредвиденный и ненамеренный побочный продукт бессмысленного процесса на одной из стадий бесконечного и бесцельного становления. Таким образом, самая суть Мифа выбивает у меня из-под ног единственное основание для веры в то, что этот Миф — истина. Если мой разум — продукт иррационального; если то, что кажется мне ясным логическим мышлением, всего-навсего комплекс ощущений, свойственный подобным мне существам, то как же могу я доверять своему разуму, когда он говорит мне об Эволюции? Ведь в результате говорят следующее: “Я докажу, что то, что мы называем доказательством, есть всего лишь следствие ментальных привычек, каковы есть наследственность, каковая есть следствие биохимии, каковая есть следствие физики”. Но это все равно что сказать: “Я докажу, что доказательства иррациональны”; или еще короче: “Я докажу, что доказательств не существует”. Некоторые ученые не замечают здесь противоречия, и научить их замечать его совершенно невозможно, а это подтверждает подозрение, что мы имеем дело с болезнью, самым радикальным образом поразившей весь стиль мышления. Однако человек, замечаящий его, уже не может не отвергнуть как мифическую всю космологию, на которой был воспитан. Я не сомневаюсь, что в ней есть много отдельных правдивых моментов, но как целое она попросту никуда не годится. Наша Вселенная может на самом деле оказаться какой угодно — но только не такой.

До сих пор я говорил о Мифе как о покойнике, потому что верю, что его власть окончена — в том смысле, что самые, как мне кажется, мощные течения современной мысли отходят от него. На смену биологии в качестве главной, с точки зрения обычного человека, науки приходит физика (в которой гораздо меньше лазеек для Мифа). Американские “гуманисты” бросили серьезный вызов философии Становления в целом. Возрождение теологии приобрело масштабы, с какими уже невозможно не считаться. Романтические поэзия и музыка, в которых популярный Эволюционализм нашел своих естественных союзников, выходят из моды. Но, конечно же, Миф не умирает в один день. Можно ожидать, что когда этот Миф будет выведен из научных кругов, он еще надолго останется в массовом сознании, и даже уйдя из него, на много веков задержится в языке. Те же, кто намерен раскритиковать Миф, должны иметь в виду: поостерегитесь его презирать! У его популярности имеются глубинные причины.

Основная идея Мифа — то, что маленькие, хаотичные или слабые вещи постепенно превращаются в большие, сильные и упорядоченные — может на первый взгляд показаться весьма странной. На самом деле, никто никогда не видел, чтобы груда камней сама по себе выстроилась в дом. Но эта странная идея тем не менее привлекательна для воображения. Этому способствуют два общеизвестных примера. Все видели, как подобные метаморфозы происходят с индивидуальными организмами. Желудь превращается в дуб, личинка — в насекомое, из яйца вылупляется птенец, каждый человек когда-то был эмбрионом. И второй пример — в технический век он особенно много значит для общественного сознания. Каждый наблюдал реальную Эволюцию в истории механизмов. Все мы помним времена, когда локомотивы были меньше и слабей, чем сейчас. Двух этих очевидных примеров вполне

достаточно, чтобы убедить воображение, будто Эволюция в космическом смысле слова — самая естественная вещь в мире. Дуб действительно вырастает из желудя, но ведь этот желудь упал со старого дуба. Каждый человек — результат соединения яйцеклетки со сперматозоидом, но эти яйцеклетка и сперматозоид принадлежали двум вполне сложившимся человеческим существам. Современные экспрессы — потомки “Ракеты”; но сама “Ракета” произошла не от чего-то элементарного и примитивного, но от гораздо более высокоразвитой и высокоорганизованной причины — разума человека, и не просто человека, но гения. Может быть, современное искусство и “развилось” из первобытного. Но самая первая картина не “эволюционировала” сама по себе: ее породило нечто несравненно более великое — разум человека, который первым догадался, что на плоскую поверхность можно нанести знаки, похожие на людей и животных, и тем самым превзошел гениальностью всех художников, появившихся после него. Может быть, если проследить любую цивилизацию вспять, до ее начала, это начало покажется нам варварским и грубым; но, приглядевшись пристальней, мы обычно обнаруживаем, что это начало на самом деле возникло на развалинах еще более древней цивилизации. Иными словами, очевидные примеры или аналоги Эволюции, которые так действуют на людское воображение, привлекают наше внимание лишь к половине процесса. В действительности же все, что мы видим вокруг — это двойной процесс — совершенный организм “роняет” несовершенное семя, которое, в свою очередь, созревает до совершенства. Сосредоточиваясь исключительно на движении вверх в этом цикле, мы, как нам кажется, видим “эволюцию”. Я ни в коем случае не отрицаю, что организмы на нашей планете могли “эволюционировать”. Но если руководствоваться аналогией с Природой, такой, как мы ее знаем, то резонно предположить, что этот эволюционный процесс был второй частью более длительного процесса; что первые семена жизни на нашу планету “заронила” какая-то более полная и совершенная жизнь. Может быть, эта аналогия ошибочна. Может быть, Природа когда-то была иной. Может быть, Вселенная в целом совсем не похожа на те ее части, которые доступны нашему наблюдению. Но если это так, если Вселенная когда-то была мертва и каким-то образом сама себя оживила, если изначальное абсолютное варварство само себя вытатило за волосы к цивилизации, то тогда мы вынуждены признать, что события такого рода более не случаются, что мир, в который нам предлагается верить, радикально отличается от мира, в котором мы живем. Иными словами, непосредственное правдоподобие Мифа исчезло. Но исчезло оно лишь потому, что мы думали, будто для воображения оно останется правдоподобным. Именно воображение творит Миф: из рациональной мысли оно отбирает только то, что ему выгодно.

Источник силы Мифа заключается еще и в том, что психологи назвали бы “амбивалентностью”. Он потворствует двум противоположным тенденциям сознания: тенденцией к очернительству и тенденцией к приукрашиванию. В Мифе все на свете превращается во что-то другое; на самом деле, все на свете и есть что-то другое — на более ранней или более поздней стадии развития; причем более поздние стадии всегда лучшие. А это означает, что, чувствуя в себе склонность к очернительству, мы можем “развенчать” все достойное уважения как “простое” усовершенствование всего недостойного. Любовь — это “просто” усовершенствованная похоть, добродетель — усовершенствованный инстинкт и так далее. С другой стороны, это также означает, что ощущая себя, как это принято называть, “идеалистами”, мы можем считать все отвратительное (в себе, в своей партии, в своем народе) “просто” недоразвитыми формами прекрасного: порок — просто недоразвитая добродетель, эгоизм — недоразвитый альтруизм; чуть-чуть образования — и все пойдет на лад.

Кроме того, Миф врачует старые раны детства. Не углубляясь в дебри фрейдизма, отметим лишь, что у каждого человека есть тайная обида на отца и на первого учителя. Воспитание, каким бы правильным оно ни было, редко обходится без обид. Как же приятно отказаться от старой идеи “происхождения” от своих воспитателей в пользу новой идеи “эволюции” или “возникновения”: чувствовать, что мы выросли из них, как цветок из Земли, что мы переросли, превзошли их, как китсовские боги превзошли титанов. У человека

появляется космических масштабов предлог относиться к своему отцу как к старому глупцу, путающемуся под ногами. “Прочь с дороги, старый дурак!”

Миф по душе и тем, кто хочет нам что-нибудь продать. В былые дни у человека была семейная повозка, которую делали к свадьбе, и она служила до конца его дней. Такой образ мыслей не устраивает современных производителей. Зато их полностью устраивает популярный Эволюционизм. Ничто не должно быть долговечным. Они хотят, чтобы вы каждый год покупали новую машину, новый радиоприемник, новое все-все-все. Новое всегда должно быть лучше старого. Мадам предпочтет последнюю модель. Ведь это же эволюция, это развитие, сама Вселенная развивается и обновляется; “сопротивление рекламе” — грех против Святого Призрака, *elan vital** (*сила жизни (фр.)).

Наконец, без Мифа не было бы современной политики. Миф возник в Эпоху революций, и только благодаря политическим концепциям этой Эпохи был усвоен сознанием. (Отсюда ясно, почему Миф сосредоточивается на одном холдейновском случае биологического “прогресса” и отвергает десять случаев “дегенерации”). Если бы эти случаи дегенерации принимались во внимание, невозможно было бы не понять, что любое изменение в жизни общества ровно настолько же способно уничтожить уже имеющиеся свободы и блага, насколько и создать новые; что опасность оступиться и упасть так же велика, как возможность двигаться дальше; что разумное общество должно тратить на сохранение не меньше энергии, чем на улучшение. Знание этих трюизмов оказалось бы губительным как для политических Левых, так и для политических Правых нового времени. Миф же затуманивает это знание. Большие партии заинтересованы в Мифе и вкладывают в него капиталы. Стало быть, нам следует ожидать, что Миф еще долго будет жить в популярной прессе (включая якобы комическую прессу) после того, как будет изгнан из интеллектуальных кругов. В России, где Миф возведен в ранг государственной религии, он может пережить века, ибо:

В его соратниках — кликушество газет,

Пустая трескотня политиканов

И человеческий неисправимый ум.

Но это не та нота, на которой я хотел бы закончить речь. Да, у Мифа есть все эти сомнительные соратники, но мы очень сильно ошибемся, если решим, что у него нет других. Как я пытался показать, у него имеются друзья и получше. Он взывает к тем же невинным и вечным струнам нашей души, которые отзываются Джеку Победителю Великанов. Он дает нам почти все, чего жаждет наше воображение — иронию, героизм, простор, единство в многообразии и трагический финал. Все, что есть во мне, радостно откликается ему — все, кроме разума. Вот почему те, кто чувствует, что Миф уже умер для нас, должны избегать ошибки и не пытаться любыми средствами “развенчать” его. Не стоит обольщаться, считая, будто мы спасаем современный мир от чего-то угрюмого, иссушающего душу. Правда как раз-таки в обратном. Пробудить зачарованный мир от сна — наш тяжкий долг. Возможно, подлинная Вселенная во многих смыслах куда менее поэтична и уж наверняка менее упорядочена и едина, чем предполагалось. И роль человека в ней вовсе не так уж героична. Может быть, опасность, всерьез нависшая над ним, состоит в полном отсутствии истинно трагического величия. Только в самом крайнем случае и только после того, как люди откажутся от более заурядной поэзии и воображение безоговорочно подчинится разуму, мы сможем предложить им хоть какую-то компенсацию за то, что намереваемся у них отнять. Вот почему до тех пор мы обязаны относиться к Мифу с почтением. Да, он был (на определенном уровне) полной бессмыслицей; но нужно быть полным занудой, чтобы не восторгаться его очарованием. Лично я, хотя больше не верю в него, всегда буду наслаждаться им, как наслаждаюсь другими мифами. Я поселю моего Пещерного Человека там же, где у меня живут Бальдер, Прекрасная Елена и аргонавты, и буду часто-часто навещать его.